

А. М. Г у т о р о в

Отражение народного сознания в творчестве В. Тендрякова

Писатель, честный и внимательный, обращающийся к изображению жизни простого трудового народа, обязательно отражает и характерные черты народного сознания.

Но как влияют особенности народного сознания на решение поставленных в произведениях проблем, определяют ли они тип героя и характер эстетических критериев писателя?

В персонаже повести В. Тендрякова «Не ко двору» критики хотели видеть «народного героя, правильного человека, который бы каждый день встречал, как шел на бой»¹.

Однако Федор, хотя и был положительным героем, не мог служить примером для подражания. Этот образ не вмещался в рамки привычной для тех лет литературной схемы.

Рецензенты определили, что герой В. Тендрякова недостаточно активен², что «из столкновения с Ряшкиными Федор вышел опустошенным, ослабленным»³., что «его робкий инстинктивный страдательный гуманизм гнется под любыми ударами»⁴.

Определяется ли значение литературного героя лишь тем, в какой мере он служит примером для подражания?

Советская литература знает немало случаев, когда значение литературных героев вовсе не вытекает из количественного соотношения их положительных и отрицательных черт, когда подражание этим героям или бессмысленно, или невозможно, но они конкретизируют представление о характерных особенностях эпохи.

Григорий Мелехов из «Тихого Дона» М. Шолохова, Софрон из «Перегной» Л. Сейфуллиной, Братишка из пьес В. Билль-Белоцерковского интересны тем, что в их характерах, в их сознании преломились определяющие тенденции общественного развития. Примечательным становится не только правильное понимание ими запросов времени, но и исторический, в некоторых случаях, характер их заблуждений.

¹ В. Дорофеев. Духовный мир героя. «Комсомольская правда». 23.X 1954 г.

² В. Панков. Главный герой. М., ГИХЛ, 1960, стр. 269.

³ Н. Громов. О ясности замысла. «Октябрь», 1954, № 10, стр. 191.

⁴ В. Литвинов. Тендряков «старый» и Тендряков «новый». «Октябрь», 1961, № 6, стр. 201.

Федор Соловейков интересен и значителен как персонаж, обозначающий глубину проникновения новой общественной психологии в народное сознание.

Верно уловив логику авторского повествования, критики почти единодушно определили: «Семейный конфликт тракториста Федора Соловейкова с затхлой мудростью стариков Ряшкиных выходит за рамки бытового конфликта, осмысливается как частное проявление общественной борьбы с собственнической моралью»⁵.

Но сам Федор долгое время не может понять социального смысла недоразумений, происходящих в его семье.

Герой этот может позволить себе известную беспринципность: пофлиртовать сразу с несколькими девушками, отбить у Чижова невесту, не испытав при этом особых угрызений совести. Но ужиться с Ряшкиными — для него означает искалечить душу. Принципиальность Федора в этом случае едва ли не сильнее его самого — это «органическое проявление новой морали в поступках рядового советского человека»⁶.

И напрасны сетования первых критиков повести, что в ней никто не борется с Ряшкиными, что «дом Ряшкиных стоит как утес, о который разбиваются волны нового»⁷.

Федор — не Давыдов и не Нагульнов. Сознание народа и таких его вожаков, как Барвара, — выше индивидуального сознания Федора.

Но он, как никто другой, непосредственно столкнулся с Ряшкиными не в сфере производственной деятельности, где они давно не верховодят, а в семье, где ряшкинские жизненные принципы проявляются в полную силу.

Федор ушел, не вынес чужой, противной его натуре индивидуалистической психологии.

Но народ глубоко и правильно определяет как характер ряшкинского зла, так и его размеры. Вот что говорит о Ряшкиных председательница Варвара:

«Теперь-то вроде не враги, а мешают. Вот уж истинно — бородавки. Боли от них особой нет, а досаждают»⁸.

В повести В. Тендрякова «Суд», как и во многих других произведениях советской литературы, созданных в 60-е гг., стоит проблема гражданского мужества.

Главный герой этой повести — «кондовый медвежатник» Семен Тетерин при всех его привлекательных личных качествах, связанных с опасной профессией, — не смог отстоять правду, не хватило у него «запаса духовной прочности».

Но один ли Семен спасовал? Оказывается, не выдержал испытания на нравственность высшего типа и другой главный герой — начальник Дымковского строительства Дудырев.

Тетерин предал Митягина в суде. Дудырев струсил на охоте, оставив Семена одного с медведем.

Изображение В. Тендряковым происшествия чрезвычайного (в повести идет речь об убийстве), следствием которого является и чрезвычайное психическое состояние персонажей, оказавшихся в необыч-

⁵ В. С. Синенко. Герой и конфликты в повестях В. Тендрякова. Уч. зап. Башкирского ун-та, вып. XVII, серия филолог. наук, № 7, Уфа, 1964, стр. 48.

⁶ А. Петросян. О догматизме и критике. «Знамя», 1955, № 8, стр. 196.

⁷ Н. Громов. О ясности замысла. «Октябрь», 1954, № 10, стр. 191.

⁸ В. Тендряков. Изб. произведения в 2-х томах. ГИХЛ, 1963, том. I, стр. 98. В дальнейшем, имея в виду это издание, мы обозначаем в тексте римскими цифрами том, арабскими — страницы.

ной для них ситуации, — приводит к тому, что характеры как бы изменяют сами себе⁹.

И напрасно, с нашей точки зрения, пытается критика исчерпать содержание повести, полагаясь на «логику характеров» главных героев.

Эта «логика характеров» приводит И. Борисову к апологии Тетерина в одном случае¹⁰, а А. Шишкину — к апологии Дудырева — в другом¹¹.

И, безусловно, прав был В. Литвинов, который, не согласившись с И. Борисовой, наносит заранее удар и по критическим позициям А. Шишкиной (статья А. Шишкиной появилась более чем через год после статьи В. Литвинова).

«И надо ли нам отождествлять взгляды В. Тендрякова со взглядами этого Дудырева — личности, отнюдь не вызывающей особых читательских симпатий. Однако ничего другого — ни прямо, ни косвенно писатель в повести не предлагает»¹².

С последней частью этого суждения есть основания не согласиться.

В повести нет равных по величине прямых антиподов Тетерина и Дудырева, сопоставление идет как бы при отсутствии общих признаков, — чересчур уже несоизмеримые величины, различные по природе качества сравниваются здесь.

И если в характере Семена Тетерина преломились слабости «простой жизни»¹³, то художественная логика всего произведения подчеркивает прежде всего сильные стороны народного сознания. Не абстрактное понимание добра и зла, а представление о них трудовых людей — вот та «единица измерения», которая может быть приложена к Дитятичеву, Боровикову, Дудыреву, Тетерину. Достоинством последних является то, что они уже смотрят на себя как бы глазами окружающих, глазами народа. Каждому из них хотелось бы спасти, но так, чтобы не оказаться подлецом: Дудыреву — в глазах Семена, Семену — в глазах Митягина, Насти Совы, односельчан.

Народ величествен даже в своем горе. Безмерна его способность переносить несчастье, сохраняя при этом человечность.

Значителен для понимания авторской позиции образ бригадира Михайлы, потерявшего трех сыновей в войну, четвертый — стал жертвой злополучной охоты. В. Литвинов и В. Синенко видят в нем лишь воплощение «безропотности», «забитости», «мученичества», «страдательного гуманизма»¹⁴.

Нет, безутешное горе Михайлы не убило в нем человечности. Жажда мести не слепила его. Его нравственные принципы оказались выше этих естественных в таких случаях побуждений. Кому мстить? Кого наказывать? Пашку-то не вернешь... А встреча односельчанами Семена, привезшего тело убитого Пашки? Минутное озлобление против

⁹ Русской классической литературе известны случаи, когда раскрытие внутреннего мира человека осуществлялось в какой-то мере независимо от создания характера, когда в определенных «положениях» единицей художественного измерения становился не характер, а подробности чувства, «доли психического процесса». См. об этом подробно: С. Г. Бочаров. Характеры и обстоятельства. «Теория литературы». М., Изд-во АН СССР, 1962, т. I, стр. 423.

¹⁰ И. Борисова. Так случилось. «Литературная газета», 27. IV 1961 г.

¹¹ А. Шишкина. На больших дорогах и на обочинах. «Нева», 1962, № 8, стр. 165.

¹² В. Литвинов. Тендряков «старый» и Тендряков «новый». «Октябрь», 1961, № 6, стр. 207.

¹³ И. Соловьева. Проблемы и проза, «Новый мир», 1962, № 7, стр. 242.

¹⁴ См.: В. Литвинов. Тендряков «старый» и Тендряков «новый». Октябрь, 1961, № 6, стр. 207; В. Синенко. Герой и конфликты в повестях В. Тендрякова. Уч. зап. Башкирского ун-та, вып. XVII, серия филолог. наук, № 7, Уфа, 1964, стр. 62.

охотника под влиянием того же Михайлы переходит в редкую для такой ситуации человеческую доброту.

Народ умеет прощать там, где нельзя кого-то винить, он понимает гораздо больше тех, кто пытается согласовать добро с циркуляром. Приговор суда неожиданно опроверг мрачные прогнозы Семена, Боровикова, Митягина и даже прокурора.

Справедливое решение было определено тем, что судьей оказалась женщина, знавшая нужду, сумевшая подойти к делу не формально, а по-человечески.

Потерпевший Михайла по своим нравственным качествам превосходил и Дудырева, и Тестова, и Боровикова.

Понимание судом вины охотников совпало с отношением к этому случайному убийству простых трудовых людей. «Люди не спешили расходиться, топтались по только-что выпавшему снегу, радостно переговаривались между собой. Каждый чувствовал, что совершилось что-то доброе и красивое» (11, 512).

Но так ли уж были безосновательны душевные терзания Семена, отчаяние жены Митягина, чувство обреченности самого Митягина?

Видимо, непременным условием работы государственных учреждений и должна быть прочная связь с мнением народным. Она-то и может изжить в народном сознании остатки недоверия к административным органам, устранив причины, которые побудили Семена Тетерина скрыть правду.

В 1965 г. появилась повесть «Поденка — век короткий», рассказавшая читателю о нравственном падении простой свинарки Насти Сыроегиной, которое завершилось, в конце концов, преступлением — поджогом свинарника.

В дискуссии о прозе 1965 года З. Кедрина отметила, что В. Тендряков в этом произведении отдал дань «безгеройной тенденции»:

«Мы глубоко убеждены, что, ставя в центр внимания характер патологически-безвольного эгоиста, большую общественную проблему формирования характера настоящего советского человека решить невозможно»¹⁵.

Следовательно, нравственный критерий оценки событий в таком случае должен находиться где-то за пределами характера главного персонажа. Ведь если следовать логике З. Кедринной, Настя как натура «насквозь эгоистичная» вряд ли способна выразить существенные стороны народного сознания.

Но многочисленные оппоненты З. Кедринной, даже при различной оценке ими самой повести, относят эту героиню к весьма распространенной категории простых тружеников, подчеркивают, как сконденсировались в ее характере слабые стороны народного сознания, которые объясняются «ограниченностью духовного мира» Насти и ей подобных.

«И тысячи таких Насть нуждаются в спасении не только из-за приписок»¹⁶.

«Не обманывая никого лично, она сама стала жертвой коллективного обмана и самообмана»¹⁷.

Нам представляется, что объяснять происшествие всецело патологическим эгоизмом Насти, с одной стороны, или ее темнотой, заботостью, — с другой, — значило бы упрощать проблематику повести.

¹⁵ З. Кедрина. Какая она, правда образа? «Вопросы литературы», 1966, № 2, стр. 7.

¹⁶ И. Золотусский. Правда правды. «Вопросы литературы», 1966, № 2.

¹⁷ И. Мотяшов. Искатели золотоносных жил. «Вопросы литературы», 1966, № 2, стр. 29.

Ведь Настя своим природным, ясным умом хорошо осознала как свою неблагоприятную роль, так и ту ситуацию, которая позволила ей эту роль сыграть. Простая свиначка Настя Сыроегина в поисках морального оправдания своих действий доходит чуть ли не до понимания государственной необходимости своего обмана: «И фальшивые камушки вставляют в оправу, когда нет под рукой настоящего...

Все «сидящие в зале нуждаются в бодрости»¹⁸.

Поджог свиначника не был для нее единственным выходом из создавшегося положения. «Не суд страшен, поди, много не дадут, помилуют» (139).

Но Настя боится позора — «всяк плюнет в ее сторону, от опозоренной жены муж уйдет, мать с горя в гроб ляжет» (139).

Обман, который рано или поздно всплывет на поверхность, противен морали простых тружеников:

«Даже мать осудит, даже родная мать» (136).

Трагедия Насти в том, что, возненавидев людей за свои неудачи в личной жизни, отрешившись от людей, ослепленная злобой, она сознательно отрешилась и от тех единственно правильных жизненных принципов, которые составляют основу психологии трудового человека.

Настя решила жить по-своему — и неожиданно во всем преуспела.

Но потом, из боязни лишиться приобретенных благ, она не нашла в себе сил свернуть с ложного пути.

И, поджигая свиначника, Настя бросает вызов веками складывавшимся представлениям о разумной цели труда, о чести трудового человека.

«Сама себе страшна, сама себе противна — одинокий выродок среди ночного поля» (141).

Всей душой ощутила героиня свое отщепенство, но поздно...

И несмотря на такой финал, «Поденка...» не увлекает в океан безверья, безысходного пессимизма. Мужественный серьезный тон автора, его государственный взгляд на вещи находит опору в толще народного сознания.

Дед Исая, Павла, мать Насти — народ, живущий в обычных, не в исключительных условиях, прекрасно понимает нелепость волюнтаристской политики, проводимой в то время в сельском хозяйстве.

Обращение к гяжелым дням войны как раз и вскрывает истоки того мудрого, оптимистического по существу подхода к жизненным явлениям, который закрепился тогда в народном сознании и помогает теперь понять и преодолеть временные неурядицы.

И пахали на себе, и голодали жители деревни Утицы в военные годы — хлеб был нужен фронту.

Но во всем этом море народного лиха находились будто светлые островки, не бог весть какие, но хорошо, что они были, отрадно, что их отметил В. Тендряков.

«От лепех пучились животы, сколько ни ешь — все не сытно. Ели еще и куглину — сухую шелуху с головок льна. До древесной коры не доходило (курсив наш. — А. Г. (96).

Об этом еще не полным голоде сказано будто между прочим, но веско, продуманно, не посторонним.

Особенности народного сознания (не только речи) органически выражаются теперь в самом стиле писателя. И это явление кажется нам многообещающим в творческом пути В. Тендрякова.

¹⁸ В. Тендряков. Поденка — век короткий. «Новый мир», 1965, № 5, стр. 129.

Создавая образы наших современников, писатель неоднократно подчеркнул, насколько обогащается народное сознание, впитывая коммунистические идеалы, насколько выше, духовно богаче предстает человек, усвоивший коллективистские принципы новой общественной жизни.

Колоссальные преобразования в сфере материальной и в сфере духовной, которые отметил писатель, есть результат работы органов советской власти, руководимых партией.

Но диалектика отношений трудового народа и его передового авангарда как раз заключается в том, что народное сознание, усваивая коммунистическую идеологию, может определить целый ряд проблем, которые требуют партийного и государственного решения.

Кафедра истории русской литературы Харьковского университета.
